

Торубой

Deni Vrai

закат

в розовых

разводах

16+

Deni Vrai

Голубой закат в розовых разводах

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Vrai D.

Голубой закат в розовых разводах / D. Vrai — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Василий выдающийся спортсмен. Сильный и увлеченный, не знающий поражений. Его лозунг прост: «в жизни надо делать то, чему ты готов посвятить всего себя». Все, что дано ему от природы, он кладет на алтарь побед. Василия любят тренеры, его любит жена, но любит ли кого-нибудь сам Василий, или мир его больше не знает красок, не знает красоты? Не разделил ли Василий всех, кто его окружает на черных и белых, своих и противников, на красный и синий угол... Не останется ли его мир лишь в голубых и розовых тонах, на фоне черного неба?

- Что с тобой сегодня?
- Что со мной сегодня?
- Вась, я тебе не шучу. Что ты устроил на ринге?
- Николаич...
- Я уже шестой десяток Николаич.
- Да.
- Что да?
- Я...
- Вася ты меня зря нервируешь.
- Николаич.
- Я уже сто лет Николаич.

Василий опустил голову и начал увлеченно скручивать бинт. Он накручивал плотный валик, вытянув вперед губы и напряжённо посапывая носом. Тяжёлая квадратная ладонь тренера хлестко упала на колено Василия. Опершись о колено ученика, тренер поднялся на ноги. Недовольно крикнув, он наставительно произнес:

- Я тебе Вась последний раз, ты меня знаешь.

Василий ничего не ответил, он продолжал внимательно следить, чтобы бинт скручивался ровно, без складок. Тренер пошёл к выходу, только после этого Василий посмотрел ему вслед. Он проводил его взглядом. Когда тот исчез за тяжёлой, выкрашенной грубыми мазками в белый цвет дверью, Василий вновь опустил глаза и посмотрел на бинты. Теперь он не так старался, но дело пошло быстрее. Он скрутил один бинт и положил его в спортивную сумку. Затем поднял со скамейки второй, ухватил за край, так чтобы тот распрямился и быстрыми ловкими движениями скатал еще один валик, положил рядом с первым.

Движения Василия были плавными. Он знал, что бинты надо скрутить и положить в сумку, он это и сделал. Надо было скинуть с себя шорты, майку, аккуратно сложить и отправить туда же, куда отправились бинты. Он сделал и это. Оставшись в одних трусах, взял из сумки шампунь и направился в сторону душа. После тренировки надо принять душ, надо помыть голову, подмышки, к тому же, это хорошо освежает. Главное делать все правильно.

Вернувшись из душа, Василий принялся одеваться. Он натянул черные спортивные штаны. Надел майку, заправил ее. Сверху накиннул спортивную куртку, ловко застегнул молнию до самого подбородка. Когда закончил, выпрямился, осмотрел сумку и скамейку вокруг. Ничто не было забыто, подошел к шкафчику, достал ветровку и кроссовки. Надев верхнюю одежду, взял сумку перекинул через голову ремень и зашагал к выходу.

По коридору дошёл до лестничного пролета. Остановившись на секунду, поскакал по ступеням вниз. Пройдя никогда не закрывающуюся дверь, вышел в вестибюль первого этажа. Навстречу ему уже шел второй тренер. Всё что он собирался сказать Василию, можно было прочесть по выражению его лица. Тренер как крем с пирожного снял с лица свои эмоции, положил их на язык и швырнул Василию:

- Ты что Николаича доводишь?

Василий остановился.

- Ты на меня не лупай!

Голос второго тренера был достопримечательностью клуба. С ним были знакомы все, кто хоть раз появлялся в этом здании. Даже если не видели самого тренера. На младшие группы он наводил настоящий ужас. Любой ребенок, который слышал его хоть раз, переставал мечтать стать взрослым. Этот голос, по мнению малышни, был злым роком, проклятием для тех, кто повзрослел и оказался в старшей группе. Когда родители приводили своих чад и, рассадив на скамейки вдоль вестибюля, принимались переодевать их в маленькие спортивные костюмчики, помещение наполнялось гомоном, смехом, капризами, иногда даже истериками. Но всё

это длилось лишь до той секунды, пока в воздухе не пронёсся голос второго тренера. Те, кто слышали его не в первый раз, замолкали, остальные бледнели и теряли дар речи. В холле наступала тишина, над которой летал неотвратимый и сокрушающий всё на своём пути дух тренерского голоса. Даже родители поддавали под этот таинственный магнетизм призрачной, бестелесной мощи. Они не замолкали, им это было не к лицу, но говорить начинали тише.

Василий остановился и смотрел на второго тренера преданно, внимательно. Чтобы всё прошло успешно, в разговоре со вторым тренером достаточно было выполнить всего три условия. Первое, нельзя было спорить. Желательно вообще ничего не говорить. Это было самое сложное условие, так как второй тренер всегда требовал ответов. По крайней мере, особенностью его речи было обилие вопросительных фраз. Вторым условием был запрет покидать поле словесной битвы. Нельзя было двинуться ни вперёд, ни назад. Хотя сам тренер всегда надвигался на собеседника всем своим ста двадцати килограммовым туловищем. Надвигался и нависал. Самое простое было третье условие – не дышать.

– Ты чего Николаича доводишь? Ты кто такой есть? – Тренер махнул руками, каждая из которых была толще Василия. – Ты что себе позволяешь? Ты что тут себе думаешь, тебе тут что, девочки в лагере? Ты хоть понимаешь кто такой тренер? Это твой тренер! – Подойдя вплотную, он стал трясти ладонями у головы Василия. В каждой из этих ладоней голова могла уместиться полностью. Со стороны это выглядело, будто огромный скульптор лепит маленькую хрупкую фигурку. Второй тренер продолжал грохотать в самое лицо Василия: – Тренер, твое всё! Это будущее! Твои победы! Это не твои победы, это его победы! Ты мне Николаича будешь доводить, я тебя, я с тобой, ты себе представляешь? Ты себе не представляешь! Если тебе сказано, тобой это должно быть сделано! – На мгновение тренер замолчал, приблизил свое широкое лицо к самому носу Василия, волна пронзительного возмущения ударила в лицо воспитанника. В глубине общей раздевалки задрожало стекло. Тренер неистовствовал: – ты чего ноешь?

Василий быстро провел ладонью по лицу и отвернулся.

– Ты чего тут устроил за мокроту? – Тренер отшатнулся, голос его почти не поменялся, но слова с языка слетали теперь реже и едва заметно тише. – Ты чего Васька мне тут? Ты тут чего? Мне тут.

– Ничего.

– Чего тебе тут нечего?

– Ничего.

– Ты чего мне тут ничего? Я тебе чего сейчас ничевокну!

– Ничего.

– Дома что?

– Ничего.

– Жена чего?

– Ничего.

– А чего она ничего?

– Ничего.

– Ты обидел жену?

– Ничего не я.

– А чего она тогда обиделась?

– Ничего.

– Чего ничего? Ты смотри мне, я зайду, узнаю. Я всё Николаичу скажу. Мы узнаем, что ты там натворил. Ты если жену обидел, ты лучше жить сразу прекращай.

– Ничего я не обижал.

– А кто обидел?

– Не знаю, чего она сама.

– Значит, слушай мою команду! С женой помириться, если она тебя не простит, ты себе не представляешь.

– А чего я ей...

– Узнай, чем обидел и на коленях прощение вымаливай! Задачу уяснил?

– Да, – Василий двинул носом, провел ладонью по лицу.

– Иди домой и смотри мне.

Василий кинулся к выходу, не оглядываясь не глядя по сторонам, он толкнул тяжелую входную дверь, проскочил тамбур, толкнул внешнюю дверь и через секунду уже брел по вечерней улице. Он шел, не глядя по сторонам, низко опустив голову и наблюдая, как вперёд выпрыгивает то правый носок кроссовка то левый. Это интересное ощущение. Когда так долго смотришь, кажется, что видишь, как вращается Земля. В какой-то момент понимаешь, что если не прибавить шагу, то можно упасть и земля выкинет тебя в космос. В эту секунду начинаешь прибавлять шаг, толкать землю всё быстрее и быстрее, пока, в конце концов, не заметишь, что уже бежишь с огромной скоростью, что мышцы твои нагреваются, учащается дыхание. Когда бежишь, ничто не отвлекает, и ты чувствуешь каждую жилку своего организма. Каждую мышцу, каждый орган.

Василий пробежал пару кварталов, выскочив на главный проспект, сбавил скорость, перешел на лёгкую трусцу. Еще через несколько шагов он остановился. В этом году весна была ранняя и быстрая. Снег оседал, превращался в ручьи. Размокшая земля и трава наполнили воздух густыми ароматами, обильно сдобренными сладким сиропом набухающих почек. Василий провел ладонью по шее, расслабленно покачал руками и решил свернуть в сквер перед детским садом. Усевшись в беседке, он достал из кармана мобильный телефон. Загорелся экран, палец коснулся квадратика с кривыми линиями. Открылась лента сообщений. Несколько минут Василий молча и неподвижно просматривал переписку. Затем выключил телефон и положил обратно в карман.

Он сидел на неудобной скамейке из двух досок, ссутулив плечи и глядя в светлеющее на фоне темнеющего города небо. Серые облака, подкрашенные заходящим солнцем, окаймляли рваные розовые мазки вселенского художника. Свет набирающей силу луны, смешанный с розовыми и серыми красками небесной палитры, давал легкий голубоватый оттенок. От этого становясь ярче и в то же время спокойнее, рассеяней.

Голубой свет луны подкрасил острый с круглой немного сдвинутой горбинкой нос Василия. Палевые брови совсем исчезли и только ясные, как луна этим вечером глаза, стали еще ярче и прозрачней. Они светились и переливались как два хрусталика, два сапфира, только что добытых старателем из горной реки.

Василий не считал времени, он не знал, сколько так просидел. В какой-то момент глаза его заморгали, он провел ладонью по лицу и громко шмыгнул носом. Повернул голову затем ещё, потом в другую сторону. Опустил голову ниже, свёл брови, прислушался. Поднял голову, глядя в определённом направлении. Потянул носом еще сильнее, поднялся, поправил сумку и решительно зашагал в заинтересовавшую его сторону.

Слух не обманул. Едва стоило завернуть за угол двухэтажного строения детского сада, как шорохи и неразборчивые выкрики обрели ясный смысл. Василий шел семенящий походкой, по своему обыкновению глядя вниз на ноги. Время от времени он бросал из-под бровей короткий взгляд вперёд. Обойдя детский сад и оказавшись на заднем дворе, отведенном под небольшой яблоневый сад, Василий остановился и оценил ситуацию.

Парень сидел на земле, прислонившись спиной к дереву. Это была правильная позиция для того, кто ведет поединок против превосходящих сил противника. Кривой ствол дерева защищал спину, шею и голову. Таким образом, избавляя от опасности самых сокрушительных и подлых ударов сзади. Однако соотношение сил было столь неравным, что даже эта проду-

манная хитрость не могла повлиять на результат. Противник был многочислен, силен и тренирован. Момента первой атаки Василий не застал, но легко мог воссоздать его в своём воображении. Парня атаковали с одной стороны, так бывает, когда сливаются в единую две задачи, не только физическая, но и передача некой информации. Это случается, когда в драку перерастает разговор.

Несколько темных фигур, разукрашенных небесным художником в голубоватые тона, с подкрашенными розовым, ушами, продолжали напористо, перебивая друг друга, что-то доказывать уже поверженному сопернику. Тот пытался отвечать, но видимо был не очень красноречив. Каждая его реплика заканчивалась ударом ноги в грудь, живот или голову, которую он старательно защищал руками. Парень что-то выкрикивал слезливым и обиженным голосом, но это действовало на противника раздражающе. Напрасно он добивался сочувствия или сострадания.

Некоторое время Василий наблюдал, затем вздрогнул и торопливо полез в карман. Однако это не телефон сообщил о появлении нового сообщения. Просто сумка выровняла положение после быстрой ходьбы и резкой остановки, проведя своим ремнем в районе кармана и вызвав ощущение вибрации. Василий хотел вернуть телефон обратно в карман, но подумал и положил его в торцевое отделение сумки. Застегнул молнию. Перекинул ремень через голову, поставил сумку на отмокку и зашагал в сторону разворачивающейся эпопеи.

По мере приближения фигуры всех участников потасовки стали различимы. Пять крепких парней обступили полукругом своего поверженного оппонента. Одного из этих парней Василий узнал. В свое время на дружеских соревнованиях этот парнишка опозорился. Он очень эмоциональный, это было заметно и во время соревнований, заметно было и сейчас. Нервный и очень подвижный. Однако соревнования для того и существуют чтобы научить человека дисциплине. В тот раз на соревнованиях этот парнишка с подобной задачей не справился. Он как был до ринга, так остался и на ринге эмоциональным и неуравновешенным. Атакуя своего противника, он постоянно вскрикивал, кидался всем телом вперед. Василий прекрасно знал, что это не лучшая тактика, тем более противником был его хороший знакомый. Они часто стояли вместе в спарринге, так как были в схожей весовой категории. Там имело бы смысл идти на размен ударами, так как тот парень не имел нокаутирующего удара. Главным козырем была хорошая работа ног и корпуса, в него было трудно попасть, а опасаться встречного удара не имело смысла. Но этот странный парнишка кидался с воплем и вместо многочисленных ударов выкидывал вперед руки лопаты. Если его соперник бил несильно, то он и вовсе не бил, а изображал из себя трактор с двумя ковшами. Всё бы ничего и бой мог стать обычным забавным зрелищем встречи несильного боксера и клоуна. Однако клоун был настолько эмоционален, что в течение поединка несколько раз отрывал ногу от пола, не в силах удержать себя от желания нанести удар любой конечностью. С дисциплиной у него точно было плохо. Такие вещи в боксе не просто запрещены, они являются позором. Под свист и улюлюканье этого парнишку выгнали с ринга. Смеялись даже пара приглашенных кем-то девчонок. Даже рефери, в роли которого выступал тренер Василия, не сдержал улыбки.

Зажатый у дерева, был среднего роста. Фигура у него для бокса была не самая подходящая. Не очень длинные и мягкие руки, широковатые, не знавшие тренировок и качественной сушки бедра. На первый поверхностный взгляд в нём было не больше семидесяти шести, семидесяти семи килограммов. Хороший второй средний вес. Для боксерских поединков самый интересный. Поединки в среднем всегда считались аппетитными для завсегдатаев соревнований. Это тот вес, в котором еще действует скоростная техника, но уже появляется эффект тяжелых ударов. Такие поединки часто сопровождаются текущими носами и зрелищными нокаутами. Соперниками у этого парнишки было пять человек. Один, которого знал Василий, относился к легкой категории. Кроме него был еще один легковес. Был полусредний. Один средний и один тяжеловес. Последний мог смело претендовать на первую тяжелую.

Все пятеро поочередно что-то орали, словно собеседник был глухим. Иногда они орали по очереди, иногда все вместе, перекрывая друг друга. В ответ со стороны дерева доносились лишь жалобные оправдания. Какие-то жалкие попытки что-то кому-то объяснить. Это было неправильно, во время поединка никому ничего нельзя объяснять. Есть правила и их надо выполнять. Как любил говаривать тренер – «если ты не можешь победить, просто подерись».

Когда Василий подошел совсем близко пятеро бойцов обратили на него внимание, они перестали выкрикивать, и нападать на поверженного соперника. Василий полностью занял их внимание. Сначала они оценивали нового участника. Василий же в ответ был скуп на внимание. Его больше интересовал сидящий у дерева парнишка. Подойдя вплотную, Василий пробежался по его телу холодным опытным взглядом. В результате кратко констатировал:

– Левый глаз завтра заплывёт. Лучше приложить что-нибудь холодное. Нос сломан, но смещения нет, так что ерунда. Но оба глаза завтра будут красивые.

Сидящий у дерева смотрел на Василия, открыв рот. Понимал он, что ему говорили или нет, было неясно. Он смотрел на Василия широко открытыми глазами, вокруг которых уже наливалась розовая подводка, тяжело сглатывал и шумно вдыхал и выдыхал воздух. Из-за спины Василия послышалось:

– Он педик.

В ответ Василий, сделав из данного сообщения какие-то свои выводы, задал вопрос парнишке, сидящему у дерева:

– А чего ты на пятерых попёр?

– Я не... – парень поперхнулся и звонко закашлялся.

– Если двое или трое, – продолжал Василий наставительно, – то спину прикрыть канатами хорошо. Но если соперников больше лучше стремиться к центру. Больше двигаться и уходить от ударов. Это их изматывает, и они будут мешать друг другу.

В ответ парнишка что-то невнятное проблеял, что было больше похоже толи на стон, толи на завывание.

Василий обернулся к пятерым бойцам. Те уже стали обступать его, не найдя пока очевидного доказательства выбора незнакомцем идейно правильной стороны конфликта. Они еще не считали его противником, но реакция на их аргумент была слишком слабой. Едва Василий обернулся, ему в лицо повторили:

– Он педик.

– Ну?

– Гомосек.

– И чё?

– Гомосня.

Василий обернулся и вновь посмотрел на парнишку у дерева. Его взгляд дольше, чем в первый раз задержался на некоторых атрибутах одежды мальчишки. Помимо яркого цвета курточки у него был яркий меховой шарф. Причёска сбилась, но можно было заключить, что он уделял ей много внимания. Длинные тяжелые волосы были аккуратно зачесаны и прилизаны. Наверное, он использовал какое-то косметическое средство. Обратил внимание и на то, что глаза подкрашены не только свежими кровоподтеками и гематомами, но и косметическим карандашом. Такой часто использует жена, сидя часами у зеркала, уподобляясь старинному индейцу перед боем. В этот момент она всегда смешно гримасничает, если с ней заговорить. Василию всегда очень нравилось мешать ей, краситься, потому что она забавно этим возмущалась. При воспоминании о жене губы Василия дрогнули, искривились. Он резко обернулся и сообщил пятерым парням о том выводе, к которому пришел, коротко и емко:

– Вы тут все гомосня.

Результатом явилось полное непонимание. Все пятеро переглянулись, пытаясь то ли разобрать само слово, то ли его смысл, то ли у них не было ясности с адресатом. Василий решил пойти навстречу и не оставлять их в недоумении. Он пояснил:

– Вы пять гомосеков. Приехали в наш город из своей гомосятии. Теперь у нас тут гомо-сирующий вирус.

– Чего? – Первым оживился средний вес. Средние всегда самые сообразительные.

– Я говорю, – произнес Василий по слогам, – Что вы пять гомосеков.

Вся пятерка была возмущена. Кто-то из пятерых решил, что Василий от природы обделенный мозговым веществом, нуждается в более ясном объяснении:

– Да он педик, в смысле педик! Он настоящий гомосятина. Голубой. Девочка.

Некоторые из пятерых уже готовых двинуться на Василия остановились. Слишком яркой была реакция Василия на уточнение. Он свел брови и вновь посмотрел на парнишку, сидящего у дерева.

– Ты голубой? – Спросил Василий.

– Да и что? – Перешел на судорожный крик парень. – Убей меня за это! Бей! Чего ты стоишь?

– А чё? Как это? – Василий явно напрягся, подбирая слова.

Последний всхлип, последнего крика, последняя истерика сменилась у парня искренним удивлением. Он переводил взгляд то на пятерых бойцов, то на Василия. Даже поднял руки пытаясь помочь себе жестикуляцией. Но в какой-то момент осознал, что у него тоже не хватает словарного запаса. По крайней мере того который смог бы проникнуть за два этих светлых глаза, окаймляющих перебитый, не раз ломанный нос.

– Я голубой, – только и смог вымолвить парень, пожал плечами и развел руки.

– Ну, понял? – Послышалось позади.

Василий обернулся и сообщил:

– Понял.

– Ну и чё?

– Я тоже голубой, – вдруг совершенно неожиданно сообщил Василий. – Я даже очень голубой. Я тут самый голубой. У любого спросите, голубее меня нету.

Едва ли не хором парни переспросили, хотя ясность изложения Василия была абсолютной:

– Ты педик?

– Нет, – спокойно ответил Василий, – это вы все педики. Я голубой.

– Нарываешься? – Густым басом догадался тяжеловес.

Если заговорил тяжеловес, то это является хорошим знаком. То, что говорит самый тяжелый, компания, как правило, принимает за данность. Это как последняя точка в споре. Как окончательный вердикт. Они все давно поняли, что Василий нарывается, но те, кто нападают толпой, никогда не готовы к ответной атаке. Это не значит что они слабые, это значит только то, что они не готовы.

Василий на вопрос отвечать не стал, он уже готовился к спаррингу. Давно его не ставили против нескольких боксеров. А он очень любил это упражнение. Оно хорошо развивает координацию и работу ног. Василий размял шею, покрутил плечами, сцепил пальцы рук, размял кистевые суставы. Несколько раз глубоко вдохнул и шумно выпустил воздух. Поиграл ногами, чуть-чуть сгибая их в коленях и приподнимая поочередно на носках. Разогрев голеностопный сустав и плечи, он приготовился к поединку.

Действия Василия были оценены совершенно верно, и поэтому самый отчаянный, эмоциональный, тот самый который опозорился в свое время на дружеских соревнованиях, кинулся в атаку. С точки зрения командной стратегии это было в корне неверно. Но видимо, на роду этого парнишки написано поступать неверно. С ним Василию было неинтересно. Даже когда

все вопили на парня у дерева, этот визжал как-то особенно противно и занудно. Жалко было терять возможность поработать против пятерых, но этот был слишком никчемным. Василий не стал работать на очки, он кинул вперед короткий джеб и дополнил его кроссом. Можно было сразу начать с кросса, но в сольном исполнении он не всегда бывает точен, а с этим соперником не хотелось долгой мороки. Левым прямым Василий притормозил свою цель, а коротким правым с носка отправил в мир сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.